

Архив русской мысли
Вослед юбилею Н. О. Лосского

DOI10.25991/VRHGA.2021.21.4.015

УДК 091

*А. М. Шитов**

**Б. В. ЯКОВЕНКО О Н. О. ЛОССКОМ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

Публикуемая рецензия Бориса Валентиновича Яковенко на подаренную ему автором, Николаем Онуфриевичем Лосским, книгу «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», важна и ценна для понимания отношения философа-трансценденталиста к интуитивизму и идеал-рализму его товарища по пражской эмиграции. Рецензия Б. В. Яковенко была опубликована в чешском философском журнале “Ruch filosofický” в 1939 г. В своем отзыве на сочинение Лосского Яковенко охарактеризовал его философско-теологическую концепцию, изложил содержание книги и подверг критике «изюминку» предложенного русским идеал-реалистом варианта интуитивизма, его утверждение о том, что предмет знания вступает в сознание познающего индивидуума в подлиннике.

Ключевые слова: Н. О. Лосский, Б. В. Яковенко, интуитивизм, идеал-реализм, гносеологическая координация, предсознание.

A. M. Shitov

*B. V. YAKOVENKO ABOUT N. O. LOSSKY
PRELIMINARY OBSERVATION*

The published Boris Valentinovich Jakovenko's review on the book “Sensual, Intellectual and Mystical Intuition” presented to him by the author, Nikolay Onufriyevich Lossky, is important and valuable for understanding the attitude of the Russian transcendentalist to

* Шитов Анатолий Михайлович, переводчик, литературный критик, публицист. Член Союза чешских писателей. Член Комитета общества Юлиуса Фучика, доктор философии Карлова университета (Прага, Чехия).

intuitionism and the ideal-realism of his comrade in Prague emigration. The review by B. V. Jakovenko was published in the Czech philosophical journal "Ruch filosofický" in 1939. In his assessment of Lossky's opus on intuition, Jakovenko characterized his philosophico-theological doctrine, outlined the content of the book and subjected to criticism the "piquancy" of the Russian ideal-realistic version of intuitionism, his assertion that an object of knowledge enters into a consciousness of an cognising individual in the original.

Keywords: N. O. Lossky, B. V. Jakovenko, intuitionism, ideal-realism, gnoseological coordination, preconsciousness.

Читатель имеет возможность ознакомиться с рецензией Б. В. Яковенко на книгу Н. О. Лосского «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» (Paris: YMCA-Press, 1938, отпечатано в Шанхае, 226 с.). В этом сочинении русский интуитивист завершил обоснование своего философско-богословского учения. Рецензия была опубликована на чешском языке в философском журнале "Ruch filosofický", в номере 3–5 за 1939 г. Редактор журнала Фердинанд Пеликан считал одной из своих главных задач отстаивание достижений славянской философской мысли и поддержку ее развития.

В пражском архиве Б. В. Яковенко хранится карандашная рукопись русского текста его рецензии на подаренную ему автором книгу. Мы воспользовались рукописью, сверив ее текст с журнальной публикацией, отметив места, выделенные курсивом в чешском журнальном варианте. Текст приводится по современной орфографии, хотя Яковенко до конца жизни использовал старую орфографию.

Борис Валентинович Яковенко не раз высказывался о Н. О. Лосском как философе, анализировал и оценивал его сочинения. Более того, он, затратив немало времени и энергии, подготовил и издал сборник, посвященный 60-летию Н. О. Лосского, оставаясь при этом критиком его интуитивизма и идеал-реализма, противником его оценки достижений философской мысли и вытекающего из этого понимания задач философии. Это критическое отношение без труда прослеживается в его статьях, очерках и обзорах, посвященных философии в России. Конечно, при этом личные взаимоотношения философов были уважительными и дружескими, о чем говорят письма Лосского к Яковенко и написанный им некролог «Памяти философа Б. В. Яковенко» [7, с. 927–929].

Тем не менее, и к Лосскому относится упорно отстаиваемое Яковенко утверждение о неоригинальности русской философии. А в своей программной статье «О задачах философии в России» он задал взбучку Бердяеву, который сделал Лосского «провозвестником новой философской эры», и противопоставил его Риккерт, Когену и другим немецким философам. Яковенко язвительно замечает, что «если бы г-н Бердяев был достаточно солидно знаком с источниками современной немецкой философии, то ему бы не пришлось превозносить новизну учений Лосского...» [7, с. 657]

Правда, в своих «Очерках русской философии» (Берлин, 1922) он называет труд Лосского «Обоснование интуитивизма» примечательным и значительным, одобрительно оценивает его тесный контакт «с лучшими из живых представителей западного философствования» и приобщение к общему ходу философского развития западной мысли и называет заслугой Лосского его «открытое выступление под флагом и в пользу интуитивизма». Но уже здесь,

говоря о «новом слове», произнесенном Лосским, Яковенко считает нужным отметить, что высказано оно было «в высшей степени неудачной и некритической форме». Нельзя пройти мимо и красноречивого замечания Яковенко о «поверхностном отношении» Лосского к новейшей философии [7, с. 820]. Таким же в «Очерках русской философии» был запев его характеристики Лосского как философа: «Новая философская концепция не отличалась, впрочем, ни большой оригинальностью затеи, ни систематичностью разработки, ни глубиной и обстоятельностью продумывания» [7, с. 819–820].

Важно и нужно для более точного уяснения позиции Бориса Валентиновича Яковенко и его отношении к интуитивизму напомнить о пражском «Логосе» (1925) и о его статье «К критике русского интуитивистического идеалреализма», опубликованной в 1929 г. в «Научных трудах Русского народного Университета в Праге».

Первый номер эмигрантского пражского «Логоса» (Прага, 1925) уделил значительное внимание философии Лосского и интуитивизму. Он включает не только краткую статью самого русского интуитивиста «Умозрение как методе философии», но и помещенную здесь по настоянию Б. В. Яковенко статью Г. Риккерта «Метод философии и непосредственно данное: Опыт постановки проблемы», а также рецензию С. И. Гессена на второе издание «Логике» Лосского.

Лосский в своем этюде о методе философии, помещенном сразу же после «Мощи философии» Яковенко, усердно старается обосновать «чистый» интуитивизм, утверждая, что «всякое знание есть непосредственное созерцание (интуиция) предмета моим я, вступление предмета в кругозор моего сознания в подлиннике» [4, с. 41].

Г. Риккерт в своей статье высказал ряд существенных критических замечаний в адрес все более модного интуитивизма. Критикуя взгляды сторонников непосредственного знания, считающих интуитивизм «философией будущего», патриарх Фрейбургской неокантианской школы заметил, что «положительных сведений относительно метода у интуитивистов можно почерпнуть немного», и указал: «...с полным правом высмеивается тот факт, что многие из тех, кто ныне чаще всего толкует об интуитивизме, никогда в своей жизни не имели ни одной научно пригодной интуиции» [4, с. 112], резонно заметив: «Чистый интуитивизм распаивает настезь двери перед чистым же произволом» [4, с. 113]. Многие аргументы Риккерта были позже использованы Яковенко для углубления его критики интуитивизма.

В первом и единственном номере пражского «Логоса» С. И. Гессен дает высокую оценку «Логике» Н. О. Лосского (Берлин, 1923), видя ее достоинство в «восстановлении живой связи между гносеологией и метафизикой, с одной стороны, и специальным логическим материалом традиционной логики, с другой...» [1, с. 176] Этим замечанием подчеркнута стремление Лосского построить систему, обосновав единство онтологии, логики, гносеологии и аксиологии, но тогда же отмечено, что «в ряде существенных пунктов... подкупающая ясность (изложения. — А. Ш.) достигается однако ценою значительного упрощения проблем» [1, с. 180].

Яковенко продолжил критику философской позиции русского идеалреализма вообще и основанного на нем интуитивизма Лосского в частности в уже

названной статье «К критике русского интуитивистического идеалреализма» (в рукописи этой статьи в архиве — «идеал-реализма»). Здесь Яковенко подверг своей излюбленной «имманентной критике» учение «первого», по его оценке, представителя интуитивистического идеал-реалистического течения в русской философии — П. А. Флоренского, изложенное в главном сочинении «Столп и Утверждение Истины». Книга эта с многочисленными комментариями и критическими пометками и замечаниями Яковенко хранится в его пражском архиве.

«Настоящая статья, — заявляет Яковенко, — ставит своей задачей подвергнуть тщательной имманентной критике центральное в философском отношении учение этой книги о преодолении скептицизма, на котором основывается вся религиозно-философская система П. Флоренского, и которое является, таким образом, ядром предложенной им версии интуитивистического идеалреализма. Установление внутренней философской несостоятельности этого учения будет философским приговором всей данной системе, а через то также и вообще тому течению, которое она собою своеобразно представляет.

Такая задача является плодотворной уже в том случае, если вместе с автором этой статьи думать, что, несмотря на все могучие вековые усилия, философской мысли удалось покамест только испробовать ряд несостоятельных решений основных проблем сущего и мира, но что состоятельного решения их она еще не обрела. Тем более плодотворной должна представляться поставленная себе автором задача тому, кто, как напр., Н. О. Лосский, полагает, что в существенном разрешение философских проблем уже достигнуто и что в настоящее время философии остается думать только о том, чтобы устранить «остаток заблуждения», имеющийся в каждой отдельной философской системе или концепции рядом с истиной, и отыскать “новые точки зрения”, которые бы внесли “порядок и гармонию” в доставшееся нам драгоценное наследие» [6, с. 267].

Прежде всего, Б. В. Яковенко не согласен с оценкой уровня, достигнутого философией. Он не разделяет оптимизма Лосского, считающего, что уже имеется все необходимое для создания философской концепции, разрешающей все философские проблемы. Сам Яковенко считал, что насущной задачей современной философии является разработка философской пропедевтики. Он критикует Флоренского за догматизм и метафизический дуализм, т. е. учение о двух началах сущего: подлинном, вечном, неизменном и едином и мнимом, преходящем, изменяющемся и множественном, и дуализм гносеологический, т. е. учение о запредельности истины познанию и познающему и о двойственности познавательных элементов... «К этой двоякой догматичности исходной позиции П. Флоренского присоединяется еще одно немаловажное обстоятельство, усугубляющее общую ее предвзятость, неоправданность и неприемлемость. Это — то, что он ищет критерия истины не в самой истине, а в акте, ее воспринимающем, т. е. в суждении. Какой же признак я должен усмотреть в своем суждении...» [6, с. 268]

Понимание познания трансценденталистом Яковенко отличается от гносеологического учения интуитивиста Лосского. Он, для которого философия — это трансцендентальнология, не мог не быть принципиальным кри-

тиком предлагаемого Лосским понимания познания, хотя и понятно, что критика с позиций неокантианского трансцендентализма может быть только ограниченной. Но все же имеется и общее для Яковенко и для Лосского — то, против чего они выступают. И трансцендентализм, и интуитивизм выступают против материализма и теории отражения. И у Яковенко, и у Лосского мы видим критику Канта справа, «борьбу против материализма и попытки избавиться от «вещи в себе». Это прекрасно понимал Яковенко. Например, в своей «Истории русской философии», характеризуя борьбу идеализма и материализма он, констатируя, что «карта идеализма оказалась социально решительно бита, и сам идеализм был политически изгнан из пределов России» и осознавая, что «идеализму придется искать новых путей и в еще большей степени конкретизироваться и материализоваться», отмечает, что «в русском идеализме проснулось сознание такой новой ориентации и установки». Эту новую ориентацию и установку он увидел в интуитивизме Лосского и своем плюрализме. Он утверждает, что интуитивизм Лосского в его развитой форме представляет собой идеал — реалистическую попытку философски оправдать и утвердить внешний чувственный мир, как он непосредственно воспринимается человеком... В плюралистической ориентации Яковенко дает о себе знать сознание необходимости «распространить критически философскую рефлексию на весь опыт во всей широте его проявлений и во всем разнообразии его предметности...» [8, с. 463]

Вслед за Когеном (сославшись на его «Теорию опыта у Канта») Яковенко утверждает, что трансцендентальный идеализм (и имманентизм) исходит из того, что «в ощущении нет никакого указания на нечто, существующее от меня независимо и вне меня...» [7, с. 431] В статье «Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще» (являющейся введением в трансцендентализм) Б. В. Яковенко утверждает: «Никаких вещей в себе в действительности нет и не может быть» [7, с. 171]. Что касается Н. О. Лосского, то в его позиции нельзя не заметить неясности. С одной стороны, он порицает солипсизм: солипсизм отнимает у мира его жизненную мощь, но не прибавляет субъекту никакой силы и признает существование мира, с другой стороны, из своей религиозно-философской концепции изгоняет аффицирующую чувственность «вещи в себе» и ощущение, заменив его восприятием. У него «реальное бытие существует на основе бытия идеального, т. е. пространственно-временное и временное на основе невременного и непространственного и, в конечном итоге, на основе сверхвременного и сверхпространственного. Мирозрение, утверждающее этот тезис, можно назвать идеал-реализмом» [3, с. 197]. Впрочем, Н. О. Лосский оговаривается: «Непосредственная, непричинная связь субъекта с познаваемыми предметами внешнего мира может сопутствоваться также и причинным взаимодействием с ними. Предмет внешнего мира, воспринимаемый чувственно при посредстве глаза, уха, осязания, действует на эти органы световыми или звуковыми волнами и т. п. Однако возникающие отсюда физиологические процессы в нервной системе наблюдателя не суть причина имманентного сознанию воспринимаемого предмета» [3, с. 147].

ЗАМЕЧАНИЯ ЯКОВЕНКО НА КНИГЕ ЛОССКОГО

Ценным дополнительным свидетельством принципиально критического отношения Яковенко к философским усилиям Лосского, к его доводам в пользу идеал-реализма и интуитивизма в рецензируемой книге являются его замечания на книгу Н. О. Лосского. Учитывая ограниченный объем сообщения и множество замечаний Яковенко, приведем лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее характерные и выразительные его пометки и заметки/ комментарии на полях и в тексте книги.

Например, в своей книге «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» Лосский, излагая свои общие соображения о различных учениях о сознании и предмете познания, перечисляет три типа: «В философии XVII–XIX вв. наиболее распространены были учения, согласно которым наличный в моем сознании чувственно воспринимаемый предмет, этот стол, то дерево и т. п., есть только образ, субъективное, индивидуально-психическое явление в моем уме, а сама транссубъективная реальность остается вне моего сознания, трансцендентна моему сознанию. Одни из этих учений утверждают, что образ, имманентный сознанию, есть копия трансцендентного сознанию предмета, другие считают его только символом, третьей конструкцией, производимую познающим сознанием и т. п.». Яковенко добавляет: «Четвертые считают конструкцией сам предмет».

Яковенко задело игнорирование того взгляда на познание, прекрасно известного Лосскому, который в уже упоминавшейся статье «Преобразование понятия сознания в современной гносеологии и роль Шуппе в этом движении» указывал, что у Шуппе «вещи строятся мышлением...», «система вещей внешнего мира конструируется мышлением (родовым сознанием)». Но в своей книге он не стал рассматривать взгляд Шуппе и Когена на познание, тот взгляд, который, по мнению Яковенко, должен быть положен в основу гносеологии. (О том, что это замечание Яковенко было замечено Лосским, свидетельствует его замысел опубликовать статью «Критика гносеологических учений о сверхиндивидуальном Я», о котором он пишет в хранящемся в пражском архиве Яковенко письме, датированном 23. 9.1940 г.)

Лосский: «Чтобы подчеркнуть, что хотения и чувства не пассивно наложены на я, а суть живые действия я, в дальнейшем будем называть его не субстанцией (это слово наводит на мысль, будто предмет, обозначаемый им, есть какая-то отвлеченность, вроде математических идей), а субстанциальным деятелем» [3, с. 141]. Яковенко: «Боже мой, как просто и наивно Вы обходите целую массу проблем и просто догматически начинаете говорить в терминах Вашей теории!»

Лосский: «Имманентность чужого бытия моему сознанию есть вступление предмета в кругозор моего сознания, не превращающее чужого бытия в мое состояние, в мой психический процесс. Сознание есть деятельность субъекта, способная вывести его за пределы его индивидуальности. Сознание, как целое, содержащее в себе субъект и объект, принадлежащий к области «данного мне», есть нечто сверхиндивидуальное, объемлющее, по крайней мере, две, а то и более индивидуальности» [3, с. 142–143]. Яковенко: «Откуда это все

следует? Неужели из непосредственного наблюдения? Но тогда да здравствует наивный реализм! Раньше был н. р. (наивный реализм. — А. Ш.) вещей, теперь н. р. сознания!»

Подводя итог изложению Лосским общих соображений в пользу интуитивизма, Яковенко приходит к выводу: «Лосский, сам того не замечая, догматизирует: в сознании имеется я — оно есть субъект — оно есть субстанция — оно есть деятель — оно есть причина. Bravo! Для того, чтобы так разыгрывать, не стоило 30 лет философствовать». (Понятно, что столь резкие оценки не могли появиться в журнале, который считал своей главной задачей защиту достижений славянской философии, а Лосский оценивался как крупнейший русский мыслитель и авторитет в философии.)

Лосский: «Начиная анализ сознания, мы нашли в нем — 1) субъект, 2) объект или, лучше сказать, предмет и 3) отношение между субъектом и предметом» [3, с. 146]. Яковенко: «Вы ничего подобного там не “нашли”. Вы просто постулировали в нем все это».

Лосский: «...оглядываясь на пройденный путь и рассматривая свой метод разработки гносеологии, я утверждаю следующее: отброшенные предпосылки прежней гносеологии я не заменяю новыми предпосылками, а ставлю на их место доказанные путем анализа состава сознания положения: учение о данности внешнего мира в сознании и учение о не причинной связи познающего субъекта с познаваемым предметом» [3, с. 150]. Яковенко: «Во-первых, Вы ничего не доказываете, а просто утверждаете, а во-вторых, вы утверждаете при этом и в подмогу себе еще много других недоказанных вещей»; «...вообще — Ваш метод есть метод философской хитрости и философского изворачивания!»

Прочитав у Лосского, что «если бы Бранд Ибсена, покинутый всеми в горах, поняв всем сердцем своим, что Бог есть Любовь, вступил ко всему миру в отношение благостного приятия его, то тело его преобразилось бы и горный обвал не раздавил бы его: камни и глыбы льда пронесли бы сквозь него, а он непоколебимо стоял бы на прежнем месте, подобно тому как радуга неподвижно стоит в брызгах водопада среди бешеной суеты капель воды» [3, с. 221], Яковенко ограничивается тем, что ставит два знака вопроса и отмечает: «Это — сплошная мифологистика».

Критикуя буддизм, Лосский приводит три косвенных довода ложности его «безличной мистики». В случае первых двух у Яковенко нет ни подчеркиваний, ни пометок. А вот к третьему: «В-третьих, особенно убедительное косвенное доказательство ложности безличной мистики буддизма заключается в том, что она для объяснения происхождения мира принуждена прибегнуть к явно фантастической конструкции, ничего не объясняющей и только усугубляющей трудности...» Яковенко, подчеркнув, «к явно фантастической конструкции, ничего не объясняющей и только усугубляющей трудности», на полях, не без сарказма, замечает: «вы тоже в этом положении!» [3, с. 270]

Отметим, что яковенковские критические замечания совпадают с теми оценками построений Лосского, которые дал В. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии». «...У Лосского мы не находим каких-либо интуиций (в обычном смысле этого слова) — а вместо них он предлагает различные гипотетические конструкции, которые прилагает к объяснению тех или

других тем» [2, с. 208] «...Он ищет разрешения философских проблем ...вовсе не в интуиции, как непосредственно данных ему “созерцаниях”, а в различных конструкциях и построениях» [2, с. 209]. А далее Зеньковский без обиняков, открыто, пишет, что «Лосский с присущей ему смелостью мысли, не боится выдвигать самые фантастические гипотезы (между прочим, совсем не необходимые для него)» [2, с. 211]. Это, как говорится, не в бровь, а в глаз, в яблочко.

Приведем заметки Яковенко — карандашные, на листочке, вложенном в книгу.

Лосский верен себе: бытие и онтология перее знания и гносеологии.

Большая часть книжки отведена вопросам онтологическим и метафизическим. И вообще смысл гносеологического трактования лежит в метафизическом. Это и сила Лосского и его ахиллесова пята. Потому что гносеологические решения не висят благодаря этому в воздухе и получают подпорку; но вместе с тем обнаруживается разом их предвзятый характер. Этим объясняется, почему Лосский не сомневается и не анализирует, а полагает и декретирует.

1. Нарушена данность предмета в подлиннике в познании — учением о субстанциальных деятелях как познанной сущности предметов. Напр., тепло по своей сущности вовсе не то, чем оно перед нами фигурирует. Это электроны.

2. Нарушена материальность материального через объяснение материальных предметов динамическими субстанциальными деятелями душевного характера.

3. Созерцательность и пассивность нарушена внутренней и постоянной творческой активностью (акт!)

4. введен дуализм: между

a) познанием и предметом

b) субъектом и объектом

c) активностью и пассивностью

d) данностью и подлинностью

f) двумя царствами

Познано ли царство вражды?

Так же ли оно подлинно как царство любви?

И, наконец, в самом конце книги Лосского, после заключительного аккорда/ нравоучительной сентенции: «Бог дал нам великие способности для творческого достижения полноты жизни и окружил нас могущественными средствами борьбы со злом.

Если тем не менее мы пребываем в царстве обедненного содержанием бытия, обреченные на лишения или скуку, то это потому, что мы сами упорно отворачиваемся от источника всякого добра, истины и красоты — Бога» — Яковенко восклицает: «Новое мифотворчество в ужасе перед «скукой» действительности!» [3, с. 288]

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Если судить по количеству изданных книг и статей, по валовым показателям, так сказать, то Н. О. Лосский — один из самых плодотворных представителей русской философии.

Но, похоже, судьба этого незаурядного представителя русской религиозной философии до сих пор не осмыслена. А ведь она, при поверхностном взгляде удачная, в сущности глубоко драматична. И свидетельствует, скорее всего, о том, что ни знание произведений классиков философии в оригинале, ни теоретические способности не являются гарантией решения философских проблем и философских открытий. Оценка его вклада в развитие философии и теоретического мышления — задача для будущих историков философии.

В сегодняшней Чехии им интересуются прежде всего богословы. См. вышедшую в 2011 г. книгу теолога, старшего преподавателя Теологического факультета Карлова университета К. Сладека «Николай Лосский: защитник мистической интуиции: жизнь и творчество Николая Лосского в Первой Республике и во время войны (в разделенной) Чехословакии» [9], а также его «Философско-богословские размышления о красоте в работах Николая Лосского» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессен С. И. Новый опыт системы логики на русском языке (Н. О. Лосский. Логика. Часть I и II. 2-е изд. Берлин, «Обелиск», 1922) // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. — Прага, 1925. — № 1.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. — Л.: Эго, 1991. — Т. 2, ч. I.
3. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. — М., Республика, 1995.
4. Риккерт Г. Метод философии и непосредственно данное // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. — Прага, 1925. — № 1.
5. Сладек К. Философско-богословские размышления о красоте в работах Николая Лосского // Богословие красоты. — М.: ВВІ, 2013. — С. 199–208.
6. Яковенко Б. В. К критике русского интуитивистического идеал-реализма // Научные труды Русского Народного университета в Праге. — 1929. — № 4.
7. Яковенко Б. В. Мощь философии. — СПб., Наука, 2000.
8. Яковенко Б. В. История русской философии. — М., 2003.
9. Sládek K. Nikolaj Losskij: Obhájce mystické intuice. Život a dílo Nikolaje Losského v prvorepublikovém i válečném (rozděleném) Československu. — Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2011.